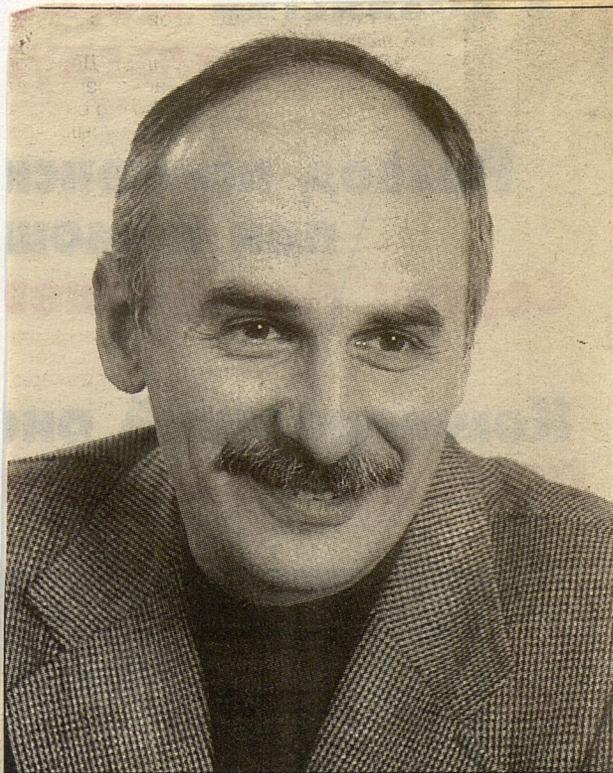

Шаневалов Игорь

(№3) 03.04
(март)

По сцене летал ковер-самолет, в лучах софитов танцевало роскошное балльное платье, принц влюблялся в девчонку-замарашку... Художественный руководитель театра «ФЭСТ» Игорь Шаповалов репетировал «Золушку». Знакомый с детства сюжет обростал все новыми чудесами, и у меня уже не оставалось сомнений в том, что автор и постановщик римейка – тот же чародей. И поэтому рассказ о нем мне захотелось начать, как сказку: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был...» И тут я задумалась: а кто, собственно, жил – несостоявшийся бортинженер космического корабля, режиссер театра или начальник Мытищинского управления культуры? Потому что это один и тот же человек, с которым происходят, на первый взгляд, такие необычные метаморфозы.

– Игорь, вы действительно умеете летать?

– Умею, но только на самолетах. С детства бредил авиацией, закончил летную школу. Мечтал даже о полете в кос-

мос. Поступил на кафедру летчиков-штурманов в лесотехническом институте, но в отряд космонавтов не попал, а потом подсел на наркотик, который называется театр.

– После окончания института вся группа студентов, игравших в самодеятельном театре, решила переквалифицироваться в артисты. А вы оказались по сути дела «подстрекателем». Наверное, это решение стало испытанием для родителей?

– Родители бунтовали у всех! Моим же досталось больше всего: сначала они были против моих авиаувлечений. Правда, когда я начал заниматься комсомолом, они вроде вздохнули: сын в люди вышел, секретарем горкома станет. А когда эти надежды рухнули, то для них наступили черные дни. Театр казался им настоящим ужасом. Все родители в этом вопросе проявили удивительную солидарность. Буквально стеной стояли. Но сейчас, когда пошли аншлаги, вроде бы их отноше-

УСТАРЕВШИХ ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ

Театр. Курьер. — 2004. — март (№3). — с. 2

ние к нашему делу изменилось. Я перестал быть врагом номер один.

Оглядываясь назад, я понимаю, что такую авантюру можно было затеять только в молодости: отказаться от интересной профессии, добиться свободного распределения для всей труппы театра, поступить в один театральный вуз, хотя Министерством культуры это тогда категорически запрещалось. Говорят, нам повезло со временем. И это, конечно, тоже. Но, скорее, мы все очень верили в чудо. А если верить, то оно обязательно произойдет.

– Почему вы организовали театр не в Москве, а в Мытищах?

– Сначала мы играли в институтском клубе, который расположен в лесу. Помещение было замечательное: зал с колоннами, уникальные люстры. Это бывшее офицерское собрание гусарского полка, там Денис Давыдов служил. Но радости от этого было мало, население – жители студенческого городка и профессорско-преподавательский состав. Спектакль играли 2-3 раза – и все! Поэтому мы думали о том, что надо перебраться, искать площадку в Москве. Но в то время помещение, да еще и средства на реконструкцию – это было даже не из области фантастики. А в Мытищах отцы города были увлечены театром. И еще они понимали одну простую вещь: чем отличается деревня от села. Тем, что в селе есть церковь. А село от города? В городе есть театр. Своеобразное воззрение, но нам оно сыграло на руку. Нам отдали «безработный» тогда кинотеатр, выделили серьезные деньги. Мы смогли полностью реконструировать зал и сцену, оснастили аппаратные и гримерки. И вопрос о Москве отпал сам собой.

– Период пустых залов в Мытищах вам пришлось пережить?

– Да, пришлось. Первые три года работы – сплошной кошмар! Зал на 700 мест, а в нем – 10-15 человек. У людей срабатывал четкий стереотип: если я хочу в театр, то еду в Москву. Сейчас мы уже несколько лет играем с аншлагами, и телефонные очереди у нас есть.

– И при такой популярности вы продолжаете пополнять и так уже достаточно солидный детский репертуар. Почему? Ведь эти спектакли обычно ставят, чтобы обеспечить кассу.

– Для нас это не столько вопрос кассы. Таким образом мы вырастили поколение своих зрителей. Поначалу дети приходили на спектакли с родителями, а потом выросли и стали нашими взрослыми зрителями. Библейская истина о том, что чем больше отдашь, тем больше получишь, сработала на 100 процентов. Все, что отдали детскому зрителю, вернулось сторицей.

– Я вижу, насколько вы увлечены репетициями «Золушки». Вы сами, наверное, любите, когда в зале – дети?

– Конечно! Дети ведь зрители бескомпромиссные. Они не будут из тактичности сидеть тихо. Если им не интересно, в зале сразу шум начинается. Но если удастся захватить их, то это волшебное ощущение. Ни один взрослый с такой верой в происходящее на сцену не смотрит. Однажды у нас на спектакле «Пиратские страсти» был настоящий детский бунт. Там по сюжету совершенно несправедливо подставляли главного героя, и король отдает приказ его казнить. В зале начался ураган. Дети сорвались с мест,

полезли на сцену, буквально разоружили пиратов и закричали королю: «Что же ты за король?! Они все подстроили, а этот не виноват!» Хорошо, король не растерялся и мимо текста, мимо сюжета, еле перекричал их: «Ах, так! Дети, я все понял! Вернитесь на свои места, а я начну вершить свой справедливый королевский суд!» Видя такую отдачу, отказаться от детских спектаклей просто невозможно.

– Сейчас театр «ФЭСТ» является самым крупным муниципальным театром области. Зачем вам играть выездные спектакли в московском ресторане?

– Мы относимся к этому, как к эксперименту. В «Астории» мы играем один из самых наших удачных спектаклей «Под небом Парижа». Когда представители администрации ресторана обратились к нам с предложением играть у них, мы съездили туда, убедились, что это не злчное место и театр там будет уместен. Тем более, что у нас спектакль тоже идет в буфете, в фойе. Были опасения, что в зале могут оказаться люди не в совсем театральном состоянии, что они могут неверно понять наше приглашение участвовать в действии. Но моментов, которые раздражают и актеров, и зрителей, удается избежать. В основном люди хорошо представляют, чего от них ждут, и лишней активности не проявляют.

– Я знаю, что вы и так проводите в театре сутки. Зачем вам понадобилось брать на себя дополнительную нагрузку – стать еще и чиновником?

– Решиться на это было сложно. Но ради театра пришлось. На этой должности я имею возможность координировать взаимовыгодные отношения между городом и театром. Мы много работаем на

город, но и отдача идет очень серьезная. Сейчас строится второе четырехэтажное театральное здание. Самое главное, в нем будет репетиционный зал на 100 мест, значит, можно будет ставить параллельно несколько спектаклей. Сбылась еще одна наша давняя мечта: мы наконец собрались с финансами и провели первый театральный фестиваль городов-побратимов. Нашим почетным гостем был Донатас Банионис, который сразу откликнулся на приглашение и играл, как все на фестивале, без гонорара. Впервые в своей жизни в нашем театре он провел мастер-класс. Так что у нас была своего рода премьера мэтра в этом новом для него качестве.

– Больше сюрпризов от себя не ждете?

– Трудно сказать. Театр дело такое – можно каждый день что-то новое изобретать. Это будет звучать безумием, но очень греет мысль о кино. Моим актерам нужно сниматься, чтобы и имя театра ярче звучало, да и чтоб не так голодно было. Этот процесс неизбежен. Поэтому нужно или отпускать сниматься куда-то (а это опасность распылить труппу), или снимать что-то самим. Сейчас уже идет речь о создании в Мытищах киностудии детских и юношеских фильмов. Администрация города очень в этом заинтересована, но ясно, что одним это не потянуть. Другое дело, что о проекте знает и поддерживает его губернатор Московской области Громов. Он человек дела, и если область возьмется, то можно будет строить более конкретные планы.

– И что бы вы сняли?

– Сказку. Может быть, ту же «Золушку», но без всяких изменений. Хочется чистого продукта, ведь устаревших чудес не бывает.

Лариса КАБАНОВА